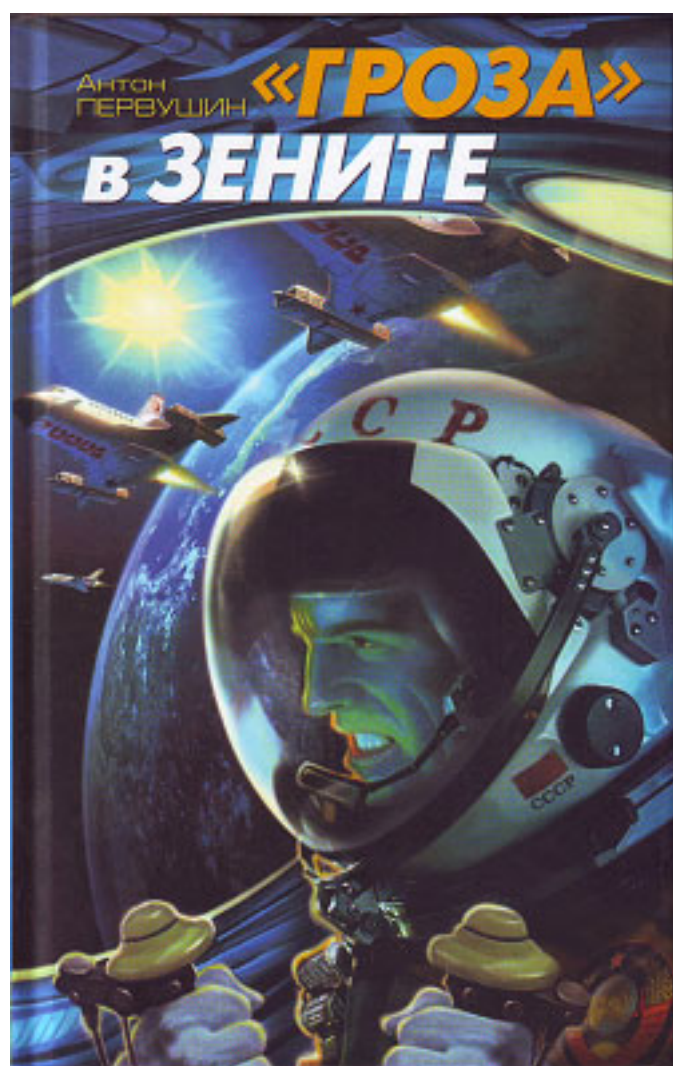

Антон Иванович Первушин

Корабль уродов

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165475

Аннотация

Сто лет назад, утром 30 июня 1908 года, над Центральной Сибирью, в районе реки Подкаменная Тунгуска, взорвалось загадочное небесное тело. Что это было? Ядро кометы? Гигантский метеорит? А может быть, звездолет инопланетян? Как изменилась бы история человечества, если бы Тунгусское космическое тело оказалось кораблем пришельцев? Как изменилась бы современная наука? Как выглядел бы XX век? Способно ли новое знание о Вселенной изменить нашу жизнь настолько, что мы заметим разницу?..

Антон Первушин

Корабль уродов

*Корабль уродов,
Что ты готовишь мне?
Гибель в морской волне
Или свободу?*

Борис Гребеничиков «Корабль уродов»

«Я прошу вас помнить, что Зона выполнит только самое заветное ваше желание, самое искреннее, самое глубокое. Самое выстраданное. Поэтому отнеситесь к предстоящему со всей серьезностью. Не надо шутить, не надо быть грубым, вообще не надо ничего показного. Никакие слова вам не помогут. Вам ничего не надо говорить. Вам нужно просто сосредоточиться и вспоминать свою жизнь. Когда человек вспоминает свою жизнь, он становится добрее. Вам нужно быть очень добрыми сейчас. И тогда счастье, которое вы обретете, не станет источником несчастья для других...»

Аркадий и Борис Стругацкие «Сталкер»

Из интервью, которое ведущий телевизионной программы «Взгляд» взял у доктора физико-математических наук Роберта Яковлевича Перельмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19.. год

— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, Роберт Яковлевич, следует считать так называемую траекторию Перельмана?

— О нет! Это вовсе не открытие! Ведь для того, чтобы его сделать, не нужно никаких особенных заслуг или высшего образования. Необходимо всего лишь разбираться в небесной механике. А на втором курсе МГУ мы уже немного разбирались.

— Но тогда почему никто до вас этого не сделал?

— Самое смешное, что делали. Посмотрите у Войцеховского в «Истории Тунгусского Космического Тела». Первым рассчитал траекторию какой-то школьник, первую статью на эту тему опубликовал студент, а назвали траекторию почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы в таком случае пояснить нашим зрителям, что такое траектория Перельмана?

— Ну, это довольно просто. Существуют оптимальные с точки зрения энергетики траектории движения летательных аппаратов в пределах Солнечной системы. Я однажды прочитал популярную книгу Феликса Зигеля о Тунгусском Телѣ и задумался вот о чем. Мы знаем точное время взрыва над Подкаменной Тунгуской. По форме Тунгусского Кратера мы можем определить примерное направление движения Тѣла и угол его входа в атмосферу. Этого достаточно, чтобы провести простейший расчет и установить оптимальную траекторию, по которой двигалось Тунгусское Тѣло к Земле. И ответить таким образом на вопрос, откуда оно к нам прилетело. Если, конечно, исходить из предположения, что это был межпланетный корабль пришельцев.

— И вы сумели ответить на этот вопрос?

— Да, сумел. Но ответ был обескураживающим. Тунгусское Тѣло прилетело к нам с Венеры.

— Удивительно. Но ведь жизни на Венере нет?

– Да, это стало известно еще в начале шестидесятых. Потому и вызвало новые вопросы. В конце концов сошлись на том, что траектория Тела не имела никакого отношения к межпланетным полетам.

– То есть это был звездолет?

– Звездолет. Корабль из параллельной вселенной. Машина времени. Все версии допустимы.

– Ученые обычно ведут себя сдержанно, когда речь заходит о гипотезах. Но, очевидно, к Тунгусскому Телу это не относится?

– Безусловно. Научный мир был потрясен, когда из Тунгусского Кратера доставили первые артефакты. Эти предметы, их свойства переворачивали наши представления о мире настолько, что никакая гипотеза их происхождения не казалась безумной. Однако заметьте: вплоть до середины семидесятых наравне с другими рассматривалась и гипотеза о естественной природе Тунгусского Тела. Считалось, что это такой аномальный метеорит.

– А теперь эта гипотеза не рассматривается?

– Нет, внутренняя структура Тела до его разрушения была явным образом упорядочена. Это доказано, и больше не обсуждается.

– Скажите, пожалуйста, Роберт Яковлевич, почему так долго о Кратере и Телу ходили только смутные слухи? Почему к изучению артефактов не допускались иностранные институты и организации?

– Режим секретности обусловлен рядом причин. Во-первых, как вы помните, в доперестроечные времена любое перспективное исследование связывалось с решением оборонных задач. Во-вторых, Кратер — весьма опасная зона для посещений, без соответствующей подготовки там легко погибнуть. В-третьих, артефактов не так уж и много. По объему и массе их, конечно же, больше, чем грунта с Луны у американцев, но всё равно — очень и очень мало. Поэтому артефакты представляют определенную ценность, и не хочется, чтобы они бесконтрольно расползались по миру. И не нужно думать, будто это наша национальная особенность. Попробуйте заказать у НАСА грамм реголита для исследований.

– Но теперь положение меняется в сторону большей открытости?

– На самом деле оно начало меняться еще десять лет назад. Уже тогда мы стали приглашать иностранных специалистов поработать в научном городке при Кратере, и многие наши ведущие сотрудники выезжали за рубеж с лекциями и докладами.

– И всё же рассказывают, что секреты остались. Якобы где-то хранятся останки инопланетных пришельцев, пилотов Тунгусского Тела.

– О! Я тоже об этом слышал. Западные уфологи любят задавать вопрос о пришельцах. Заверяю вас, все рассказы об Уроде — вымысел чистейшей воды.

– Об Уроде?

– Да, это уже наш профессиональный жаргон. Уродом называют гипотетического пилота Тунгусского Космического Тела. Словечко запустил, кажется, Ефремов... Дело в том, что нет никаких оснований считать Тунгусское Тело — пилотируемым объектом. Это мог быть беспилотный исследовательский зонд. Что вполне логично. Мы сами предпочитаем изучать соседние планеты с помощью зондов — почему наши «братья по разуму» должны поступать иначе?

– Значит, Урода не существует?

– По крайней мере, нам пока не удалось найти ничего похожего на останки инопланетного существа.

– Спасибо за ответ. Давайте вернемся к теме Кратера. Вы сказали, что это очень опасная зона?..

– Да. При падении и взрыве Тунгусского Тела выделилось значительное количество энергии. Сопоставимое с энергией одновременного взрыва тысячи атомных бомб. Но не

только это. Тело прямым образом воздействовало на метрику пространства-времени. В результате образовались аномальные зоны с парадоксальными физическими свойствами. Стационарные и нестационарные. С различными сроками жизни. Эволюционирующие. Попав в такую зону, человек с неизбежностью погибает. Об этом узнали еще до войны — Кулик потерял в Кратере всю свою экспедицию. Но подлинную опасность аномалий оценили, только когда приступили к глубокому изучению Кратера и его окрестностей.

— Известны ли попытки самовольного проникновения в Кратер?

— Да, такое периодически случается. Среди искателей — так мы называем людей, изучающих Кратер, — порой встречаются безответственные люди. Для предотвращения попыток несанкционированного проникновения организована надежная система охраны.

— У нас осталось немного времени, поэтому последний вопрос. Что может дать изучение артефактов и аномалий Тунгусского Кратера земной цивилизации? Как изменится наша жизнь?

— Наша жизнь уже изменилась. Насколько велико здесь влияние Кратера, судить, наверное, всё-таки не мне...

— Роберт Яковлевич, спасибо за то, что пришли к нам в студию.

1. Андрей Тяглов, 28 лет, холост, кооператор

Вообще-то официально я торгую персональными компьютерами. Очень доходное дело, кстати. Куда более доходное, чем просиживать штаны в лаборатории. Но я компьютерами не только торгую — я их, между прочим, собираю. Вот этими самыми ручками. Помню, когда первый «Спектр» собрал и магнитофон с нему подключил, какой был восторг. Жалко не сохранилась та машинка — ушла на детали. Сейчас у меня выбор всё-таки побогаче. Есть «Поиски». Есть «двойки» белой сборки и «тройки» — красной. Матричные принтеры. Внешние накопители на жестком диске. Модемы, прошитые под нашу дряхлую телефонную сеть. Реальная фирма, короче. И по бумаге, и по жизни. А главное — «крыша» надежная есть в лице товарища Афганца, который блюдет мою безопасность пуще меня самого. Другие бандиты давно от меня отстали, а участковый и хмыри из ОБХСС обходят далекой стороной.

И тот день не предвещал беды. Приехал я на рынок к десяти, открыл ларек, протер тряпкой слепые мониторы, уселся в свое родное, продавленное и прожженное, кресло и начал изображать утомленного жизнью частного предпринимателя.

Первым клиентом в четверть одиннадцатого заявился Бориска Дрын.

Дрын — это не погоняло, а фамилия. Погоняло как раз — Бориска. Вообще имя у него Иван, а почему его так другие искатели прозвали, судить не берусь, не знаю. Но закрепилось это сочетание намертво: Бориска Дрын.

Поздоровался он вежливо и, вроде, от него даже не пахло. Значит, последний раз в «Стекляшку» он наведывался минимум двое суток назад. К походу готовится? Вроде, не собирался. Послушаем, что скажет.

— Слышь, земля, — сказал Бориска, — тут такое дело. Консультация нужна.

Глазки у него при этом бегали, что мне сразу не понравилось.

— По какому вопросу? — с безразличием в голосе спросил я. — Софт? Железо?

— Антрацит.

Я аж привстал.

— Ты чего ко мне приперся, придурок? — зашипел я на Бориску. — Знаешь же, что антрацитом не занимаюсь. Топаи давай в «Искру».

Про себя подумал: эге, где ж это Дрын сумел антрацитом разжиться? Он ведь из искателей низшего разряда, в Институте токарем работал. Дальше двух километров за Вал не ходит — боится. И правильно боится. Только что в двухкилометровой зоне найти можно? Вату? Да, там полно ваты. Синий жемчуг? Да, иногда попадается. Янтарную окрошку? Большая редкость. Но чтобы антрацит — никогда!

Интересное дело. Похоже, Дрын пустился в тяжкие — обобрал коллегу-искателя. Тогда недолго ему осталось. Найдут вскорости тушку с простреленной глупой башкой.

Что характерно, мне его совсем не жалко. Если таких тупарей-алкоголиков поменьше в стране будет, всем станет легче дышать.

— В «Искру» не могу, — застрадал Бориска. — Там меня не знают. Откажут. Или кинут. Я снова угнезвился в кресле и спросил с ленцой:

— А знаете ли вы, товарищ Дрын, что оборот фрагментов так называемого черного тела находится в ведении госструктур? А знаете ли вы, что нарушение правил разработки недр Тунгусского Кратера влечет собой наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, согласно статье сто шестьдесят семь, пункт три, Уголовного кодекса РСФСР?

Бориска помялся, но не ушел.

— Мне ведь только экспертизу, — продолжил он давить на слезу. — Чтоб не кинули...

Эх, говорила мне мама, не связывайся с «черным золотом»! Но поскольку других клиентов не было, а по рынку бродили сонные старушки, я решился:

— Хорошо, давай посмотрю. Но деньги вперед!

— Сколько?

— Сотня зелеными.

Бориска аж заскрипел.

— Маней нет... сейчас, — признался он.

— В долг экспертизу не проводим, — отрезал я.

Бориска постоял с минуту в нерешительности, глазки у него продолжали бегать.

— Натурой расплачусь, земля!

Я хмыкнул:

— Больно нужна мне твоя натура!

— Отдам антрацит.

Ни хрена себе! Значит, у этого придурка где-то припрятан запас. Играешь с огнем, искатель!

— Давай посмотрю, — согласился я.

Любопытство меня когда-нибудь погубит.

Бориска полез в карман своей задрипанной куртки, извлек черный блестящий обломок, размерами и формой напоминающий кленовый лист, с острыми зазубренными краями. Складывалось такое впечатление, будто бы черное тело откуда-то отколупывали, пользуясь при этом не самым подходящим инструментом.

Я вышел из ларька, огляделся вокруг внимательно, никого и ничего подозрительного не заметил, принял обломок и вернулся внутрь.

— Иди, погуляй полчасика, — сказал я Бориске. — Потом приходи за ответом.

После чего заперся изнутри, задернул шторку на окошке и выставил табличку «Закрыто! Не стучать!».

Опытные искатели, бывшие лаборанты или научные работники Института, умеют определять чистоту черного тела без посторонней помощи, не бином Ньютона в конце концов, но для таких кадров, как Бориска Дрын, это, конечно, великая наука.

Я снял с боковой полки один из мониторов и поставил его на лежащий на дощатом полу старый системный блок. Освободив таким образом оперативный простор, вытащил из сейфа сложенную простыню диаграммы масса-твердость, толстенный справочник по артефактам с грифом «Для служебного пользования», который прикарманил еще будучи аспирантом-целевиком, и программируемый калькулятор БЗ-21. Из ящика стола достал малый джентльменский набор эксперта: медицинские весы с набором гирек, импортный фонарик с регулировкой яркости, профессиональный фотоэкспонетр, спортивный секундомер,

блокнот и авторучку. Разложил всё это богатство на освобожденной полке и приступил к работе.

Сначала я ощупал обломок. Убедился, что он греет руку, как и полагается настоящему черному телу. Значит, не подделка.

Взвесил обломок на весах. Он вытянул на двести граммов. Я занес результат в блокнот. Потом закрепил фотоэкспонетр и, меняя яркость направленного на него фонарика, записал показания. В результате получилась достаточно точная тарировочная кривая прибора. Разместил перед приемной головкой фотоэкспонетра обломок и снова включил фонарик. Меняя яркость, отследил изменение коэффициента поглощения. Занес результаты измерений в блокнот.

Теперь самое важное. Поставил фонарик на максимальную яркость и запустил секундомер. Когда стрелка фотоэкспонетра качнулась, нажал кнопку и посмотрел на циферблат. И присвистнул от удивления.

Схватил справочник, чтобы проверить самого себя. Нет, всё правильно! Память не подвела. Согласуясь с тарировкой, пересчитал коэффициенты поглощения, отложил точки на графике, соединил и обнаружил прямую линию. Вот так да!

Дело в том, что свет проходит через черное тело с заметной задержкой — от трех с половиной до пяти секунд. Более «чистыми» и, соответственно, более ценными считаются те обломки, которые задерживают свет на большее время. Казалось бы, должно быть наоборот, но это вам не банальное стекло — это монолитная структура, которая вообще не имеет аналогов в нашей части Вселенной, а потому обладает совершенно фантастическими свойствами. И правильно, что наше... хм-м-м... государство взяло добычу черного тела под контроль, приравняв к золоту. Ибо в Кратере много загадочных артефактов, но черное тело — самое загадочное из них.

Так вот, обломок, который передал мне на «экспертизу» Бориска Дрын, пропускал свет с задержкой в семь секунд. В первый момент я решил, что врет секундомер. Но кривая поглощения, которая под моей рукой превратилась в прямую, свидетельствовала в пользу невероятной гипотезы: бывший токарь обнаружил настоящий Клондайк!

Пару минут я сидел в полной тишине, переваривая неожиданное открытие. Потом вскочил, побросал приборы в сейф, закрыл его на ключ, а обломок завернул в упаковочную бумагу и сунул в карман брюк. Вышел из ларька. Дрын терся неподалеку и сразу засеменял ко мне с надеждой в смурном взоре. Времени рассусоливать у меня не было, поэтому я сказал прямо:

— Значит, так, Бориска, это антрацит, без вопросов. Мне нужно кое-куда съездить и дополнительно проконсультироваться. Если мое предположение подтвердится, я беру всю партию. И этот фрагмент тоже оплачу. Сколько там у тебя?

— Четыре килограмма, — признался Дрын, ошалевший от свалившегося на него счастья.

— О'кей, — кивнул я. — По рукам. Никому ничего о сделке не говори. Вали пока домой. Встретимся в два часа у «Стекляшки». И не бойсь, оплачу по высшей ставке. И премию сверху накинута — чтоб выпил за мое здоровье. Слово, ты знаешь, я умею держать.

— Ага, ага, — Дрын облизнулся в предвкушении. — Ты, Андрюха, да, молодец, не замечен на кидалове.

Сейчас Бориска был больше всего похож на мой программируемый калькулятор — такой же сосредоточенный в подсчетах потенциальной выручки. Считай, считай. Толку-то? При умеренной образе жизни ему этих денег хватило бы на три года жизни без походов в Кратер, однако умеренность не входит в число достоинств бывшего токаря.

Больше с ним толковать было не о чем, я закрыл ларек и быстрым шагом направился к своей «девятке». Машина завелась с полуоборота, что не могло не радовать, — последнее

время зажигание барахлит и карбюратор выпендривается. Я выехал с рынка на единственную приличную улицу в городе — улицу Ленина — и погнал в Институт, чертыхаясь на колдобинах.

Ванавара хиреет год от года, превращаясь из элитного научного городка в проходной двор. Раньше хоть начальство за фасадами и дорогами следило, а теперь всем на всё наплевать. Народ совсем свихнулся от бардака, очередей и отсутствия элементарных товаров, а потому работать никто уже не хочет, все только треплется о политике да клянут Горби почем зря. Помяните мое слово, если уж в середине лета на центральной улице города такие колдобины и лужи с грязью, то зимой тут совсем тухло станет, наплачемся. Куда только катится эта страна?..

Слава богу, был четверг, а значит, все интересующие меня лица должны были находиться на своих рабочих местах согласно штатному расписанию. Оставив машину на площадке перед главным корпусом, я обогнул памятник Кулику и вошел в вестибюль. И тут же столкнулся с тем, кто был мне нужен в первую очередь, — с руководителем Научно-исследовательского отдела по изучению квазитрансцендентных структур Львом Сергеевичем Сибирцевым.

Сибирцев стоял в вестибюле, весь такой вальяжный, высокий и седовласый, и беседовал с двумя стажерками. Стажерки, некрасивые и одетые очень скромно даже по меркам Ванавары, внимали ему, открыв рты.

— Извините, девушки, — сказал я, подходя к Сибирцеву и сразу протягивая ему руку. — Добрый день, Лев Сергеевич.

Сибирцев посмотрел на выставленную руку, на меня, но деваться ему было некуда, и он вяло потряс мои пальцы. От колкости, впрочем, не удержался.

— Вот, товарищи стажеры, — сказал он, кривя рот, — посмотрите на дезертира. Оставил кафедру, коллег, науку — спрашивается, ради чего? Ради пошлого блеска злата. Ради личного благосостояния. Ради мещанских ценностей. Зачем наше государство давало ему образование? Зачем кормило, поило, одевало? Почему не сумело разглядеть ренегата, который при первой возможности перековался в бизнесмены и предал интересы научного сообщества? Больше того, этот человек обирает своих бывших коллег и учителей, продавая им по спекулятивной цене электронно-вычислительную технику и программное обеспечение.

Я выслушал тираду Сибирцева стоически. Сибирцев по своей привычке врал — врал нагло, в глаза, в присутствии посторонних. А что вы хотите от человека, девичья фамилия которого не Сибирцев, а Писунько?

Кстати, с Сибирцева я не взял до сих пор ни копейки. Хотя лично привез и установил у него в кабинете «тройку» собственной сборки из белых комплектующих.

— Лев Сергеевич, есть небольшая проблема, — сказал я вежливо, делая вид, будто речь в его тираде шла не обо мне, а о каком-то другом человеке.

— Что ж, — отвечал Сибирцев горделиво и явно любясь собой, — давайте обсудим вашу проблему, товарищ ренегат.

— Может быть, лучше будет обсудить ее у вас? Речь идет о новом подклассе квазитрансцендентных структур.

— Что ж, — Сибирцев тряхнул седой гривой. — Это достойная тема для обсуждения. Прошу покорно меня извинить, товарищи стажеры, но дела, дела... Труба зовет.

Вместе мы направились к нему на третий этаж. По дороге Сибирцев, как он всегда делал без свидетелей, принялся жаловаться, в этот раз — на новую версию «Лексикона», которую я ему устанавливал месяц назад. Мол, работает некорректно. Мол, пишешь нормальное письмо, а принтер выдает абракадабру. Я не стал комментировать его стенания, ибо знал, что дело здесь, конечно, не в «Лексиконе», а в холеных, но кривых руках.

Вошли в кабинет. Место работы Сибирцева всё еще выглядело внушительно. Высокий потолок, высокое окно, тяжелые шторы, письменный стол, длинный стол для совещаний с тяжелыми резными ножками, массивные деревянные стулья в два ряда, портреты легендарных искателей на стенах: Кулика, Янковского, Флоренского, Плеханова, Золотова, Гильзина и Гречко. Однако на всём этом, как на свежем покойнике, уже проступал трупный узор близящегося распада. Потертости и пятна на обивке стола, два оборванных кольца на карнизе, покрытые пылью пачки бумаг в углу, мухи, бегающие по портретам. Сибирцев, казалось, всего этого не замечает. Он сел в руководящее кресло, достал массивную бронзовую пепельницу, трубку и закурил.

— Лев Сергеевич, — обратился я, подсаживаясь ближе. — Что вы можете сказать о черном теле с задержкой прохождения в семь секунд?

Сибирцев посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Сверхчистое тело? Ось? — уточнил он. — Это миф!

— То есть в вашей богатой практике такие фрагменты не встречались?

— Эх, Андрюша, — Сибирцев мечтательно поднял глаза к высокому потоку. — Это же тема моей докторской. А оппонентом у меня был сам Гильзин! Сам! Если бы у Гильзина имелся хоть один кусочек, самый маленький фрагментик из Оси, он стер бы меня в порошок. И мы с тобой сейчас не разговаривали бы. Но, к счастью, сверхчистого черного тела не существует. Это лишь домыслы, красивая гипотеза, тема для фантастической повести.

Я решил зайти с другой стороны:

— Но, может быть, впоследствии ваши лаборанты и находили фрагмент с пониженной пропускной способностью? Может быть, есть какой-то закрытый отчет?

Сибирцев посмотрел на меня снисходительно:

— Андрей, я тебя люблю и уважаю, но по этому вопросу ничем помочь не могу. Не было таких фрагментов.

— Тогда объясните мне, что это такое?

И с победным видом я вытащил из кармана и положил на стол антрацит, полученный от Бориски Дрына. Не смог отказать себе в удовольствии, пижон проклятый!

Сибирцев даже не изменился в лице. И голос у него не дрогнул. Он посмотрел на обломок, равнодушно попыхивая трубкой.

— И что это такое?

М-да. Триумфальное настроение у меня сразу улетучилось. Старую гвардию ничем не прошибешь.

— То, чего не может быть, — процитировал я модную сказочку. — Черное тело с задержкой в семь секунд и линейной функцией по коэффициенту.

— Ты ошибся, Андрей!

— Хотите провести экспертизу в лаборатории?

— Даже не стану время тратить. Ты ошибся.

— Ну а если предположить, что нет? А если вы ошиблись? Институту нужны фрагменты сверхчистого тела?

Сибирцев вздохнул и принялся выбивать трубку в пепельницу.

— Андрей, — сказал он, — в запасниках Института черного тела более чем достаточно. На пятьдесят лет хватит. Мой тебе совет: продай его. Хотя нет, продажа ведь запрещена. Сдай в приемный пункт на Заимке. Только придется объяснить, откуда он у тебя. Ты же больше не числишься в искателях, и вход в Кратер тебе запрещен. А еще лучше — выброси его, закопай. Зачем тебе проблемы с ОБХСС? Или с КГБ?

— Мне всё ясно, — сказал я. — Оберегаем научную репутацию? В конце концов, почему бы и нет? Я вам не судья. Только вот Гильзин был прав, а вы неправы. И всё это время,

двадцать лет, вы сидели в мягком кресле, вкусно ели, сладко спали, но занимались полной ерундой — пустым теоретизированием, основанным на ложных предпосылках.

— Вон, — даже не повысив голоса, сказал Сибирцев. — Вон отсюда, мальчишка.

Я забрал обломок и покинул кабинет.

Итак, с Сибирцевым не получилось. Не знаю уже теперь, на что я рассчитывал, когда шел к нему. Мстительность не входит в число моих достоинств. А всё остальное — интеллигентские сопли.

После Сибирцева я отправился в административный корпус. Взмахнув на входе корочками пропуска, зашагал по длинному коридору, увешанному досками почета, фотографии на которых не менялись уже лет пять. Увидел на одном из пожелтевших снимков знакомую физиономию Бориски Дрына, подмигнул ей. А ведь он был когда-то приличным человеком, ударником социалистического труда, ударно ваял крепеж для испытательного стенда... Что с людьми перестройка и новое мышление сделали...

Добравшись до кабинета Шахмагонова, я постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. Эдуард Шахмагонов восседал за письменным столом в большом кресле с кожаной обивкой, завезенном явно откуда-то из Германии. Вообще обстановка на рабочем месте заместителя секретаря комсомольской организации Института выгодно отличалась от обстановки в кабинете Сибирцева. Здесь стояла исключительно скромная, но современная импортная мебель, а «машинка», которой пользовался Эдуард, даже у меня, опытного железячника, вызывала обильное слюноотделение. Ибо на столе у него расположился редкий в наших широтах лэптоп от «Ерson». Хорошо живет комсомол!

Шахмагонов был меня на два года младше и, хотя учился на том же факультете Красноярского университета, что и я, предпочел пойти не по науке, а по партийной линии. Он не стал заканчивать аспирантуру, сдавать минимумы и защищать кандидатскую, а сразу попер в комсомольские работники. И вот теперь он заместитель секретаря, а я — простой советский кооператор. Впрочем, я ему не завидую — у них там, в организации, свои заморочки имеют место быть.

— Андрей? Рад тебя видеть, — Шахмагонов привстал и с улыбочкой мне поклонился; был он круглый, розовый и довольный жизнью. — Я как раз о тебе вспоминал. Так что богатым будешь, вот так. Кстати, о богатстве. Мы тут собираемся сетку в нашем корпусе провести. Чтобы, как говорит Михал Сергееч, углубить и расширить, а затем прийти к консенсусу, вот так. Думаем, у кого разместить заказ. Но выбор большой. Конкуренция — двигатель рыночной экономики, как ты знаешь, вот так. Если хочешь получить заказ, придется тебе постараться и убедить нас, что ты лучший из возможных кандидатов.

— Обсудим, — кивнул я. — Но сегодня по другому делу.

С Шахмагоновым играть в игры не стоило, поэтому я сразу извлек обломок и показал ему.

— Антрацит? — удивился Эдуард. — Откуда у тебя? Ты ж, вроде, не замечен?

— Это лучше, чем антрацит, — сказал я. — Это сверхчистое тело.

С полминуты Шахмагонов соображал, потешно наморщив лоб. Потом его радушная улыбка поблекла, и он спросил:

— Ошибки быть не может?

— Нет никакой ошибки. Чуешь, чем пахнет?

— Ой-ей, чем пахнет, Андрей. Ой-ей, чем пахнет!

Он вскочил и пробежался по кабинету.

— Это же... — он застыл, а потом резко повернулся на каблуках, нависнув надо мной.

— Ты можешь мне это оставить?

— Могу, если дашь гарантии.

Шахмагонов обежал стол и вернулся в кресло.

– Слушаю, — сказал он, положив свои пухлые ручки перед собой.

– Я открыл сверхчистое тело. Я хочу иметь постоянную долю.

– Ренту? Понятно. Кто будет добывать?

– Думаю, найдутся желающие.

– Согласен. Процент?

– Пятьдесят.

– Много. Даю пятнадцать.

– Тридцать.

Шахмагонов замотал головой:

– Ты не понимаешь, Андрей. Это не предмет для торга. Я даю тебе пятнадцать, потому что не могу дать больше. Серьезные люди меня спросят: при чем тут кооператор Тяглов? Что я им отвечу? Он мой друг? Пятнадцать — максимум. Именно потому что друг.

Тут пришла очередь заскрипеть мне. Но выбирать особо не приходилось, а потому я сказал:

– Согласен.

Шахмагонов перешел к конкретике:

– Этот фрагмент забираю на экспертизу. Сколько еще антрацита на руках?

– Четыре килограмма. Но есть жила. Я в этом уверен. Труды Гильзина по Оси помнишь?

Шахмагонов аж зажмурился, как кот, унюхавший сметану. И снова одарил меня белозубой улыбкой:

– Вперед и с песней, Андрей! Добудь мне жилу!

Я ушел от него в приподнятом настроении. На самом деле я хотел двадцать процентов, но и пятнадцать — тоже неплохо. Можно будет забыть и о точке на рынке, и о компьютерах, и о товарище Афганце. Навсегда забыть. Сверхчистое черное тело из Оси — это шанс. Реальный шанс обрести свободу. И компетентные товарищи ведь не подкопаются. Ибо сверхчистого черного тела в природе не бывает, мне так доктор Сибирцев объяснил.

Я подъехал к «Стекляшке» в без пяти минут два. Ожидал, что Бориска Дрын там уже трется в нетерпении и предвкушении. Однако, к удивлению своему, среди тусующихся возле магазина алкашей бывшего токаря не увидел.

«Стекляшка» — это вообще-то овощной магазин. А называется так, потому что это единственный магазин в Ванаваре со стеклянной витриной. С учетом нашего гнилого климата здесь лучше ставить глухие здания с ма-а-а-аленькими оконцами. В овощном магазине, конечно же, спиртные напитки не продаются и талоны на них не отовариваются. Однако все местные любители знают секрет. Достаточно войти в «Стекляшку», протянуть продавщице Маше червонец и сказать: «Вот деньги. Хочу товар!», — вы тут же получаете «товар», то бишь пол-литра прозрачного, как слеза, самогона, который гонят на Заимке. Говорят, в столицах, в Москве и Питере, снабжением населения алкоголем занимаются таксисты, однако у нас всё проще и надежнее, не в столицах живем.

Я выбрался из машины и приблизился к алкашам:

– Здорово, мужики! Как настроение? Бориску кто-нибудь видел?

– Видели, — отозвались мужики. — Он нас сегодня угощает.

Я почувствовал себя так, будто у меня одним точным ударом вышибли землю из-под ног.

– Как угощает? У него ж денег не было...

– В долг взял у Машки. Говорит, Андрюха приедет — расплатится. Так что давай Андрюха — плати!

– Блин! И где теперь этот урод?

— Успели выпить по двести, а тут пацаны от Хозы прикатили. Сказали, разговор есть, и увезли.

Сердце у меня оборвалось. Если Хоза узнает, что я решил в антрацитовый бизнес влезть без вазелина, тут мне и каюк. Найдут к вечеру тушку с простреленной глупой башкой. Вот тебе и свобода!

Решение созрело быстро. Я бегом припустил к машине.

— Э, Андрюха, а платить?

— Пошли к черту! — огрызнулся я.

В это время дня Афганца можно было найти только в одном месте — в «Миссисипи», что на Привокзальной. В первом кооперативном ресторане города. Хотя какой там ресторан — одно название! Просто дощатый сарай, внутреннее убранство которого отличается от какой-нибудь пельменной разве что наличием стульев да рыболовной сетью, развешанной доморощенным дизайнером по стенам в качестве главного интерьерного украшения. Однако цены в ресторане кусались. Еще как кусались!

Афганец сидел с двумя своими бандитами на самом удобном месте — у дальней от окна стены и лицом к входной двери. Потягивал разливное пиво. Завидев меня, он махнул рукой приглашающе. Я подошел.

— Привет, академик, — сказал Афганец. — Как идет бизнес?

— Плохо идет, — я сел на свободный стул и отер пот с разгоряченного лба.

Обычно неподвижное лицо Афганца дрогнуло:

— Что за тема?

— Мне удалось найти уникальный артефакт, — сообщил я, собравшись с духом. — Точнее, не мне. Один из моих клиентов, искатель Бориска, нашел. Но Бориску забрали люди Хозы.

— Вот падла! — немедленно возбудился один из бандитов.

— Тихо! — осадил его Афганец. — Отсюда поподробнее, академик. Что за вещь?

— Антрацит.

Глаза Афганца превратились в щелки.

— Это бизнес Хозы, — процедил он. — Зачем ты полез в его бизнес? Приключений на задницу ищешь?

— В том-то и дело, что это не совсем антрацит, — сказал я, стараясь говорить и выглядеть спокойно. — Это новый артефакт. Только очень похожий на антрацит. Тебе любой ментовский эксперт скажет, что это не антрацит. У него другие характеристики. Извини, Николай, но ты хоть понимаешь, что это означает? Это означает, что на рынке появился новый артефакт, а Хоза тут же пытается прибрать его к рукам. А Бориска, между прочим, — мой клиент, а не «Искры».

— Да, это серьезно, — согласился Афганец, поразмыслив. — Нехорошо поступил Хоза, неправильно. Не по-братски. Надо разбор устроить. Но если врешь, академик, я тебя лично прищучу! Кровью умоешься!

— Да я всё понимаю, Николай, — мне без труда удалось изобразить искренность. — Не враг же я самому себе. Но обидно, блин, когда реальные бабки уводят.

— Поехали в «Искру», — подытожил Афганец. — Сейчас только пару звонков сделаю.

Он поднялся, шагнул за ресторанный стойку, взял, не спрашивая разрешения, телефон и принялся накручивать диск. Никто и пикнуть не посмел — ибо «Миссисипи» крышевал тоже Афганец. Бандиты заулыбались, почесывая кулачищи.

Наконец собрались и поехали. Афганец сел за руль своего полноприводного «японца», а я пристроился в кильватер. На перекрестке между Ленина и Октябрьской Афганец притормозил, и к нему в машину запрыгнули еще трое. Как они там только размещают свои увесистые туши?

Штаб-квартира Хозы находилась на окраине, в двух шагах от Заимки. Хоза оккупировал целое здание, хотя и достаточно скромное на первый взгляд — серый двухэтажный корпус, в котором располагалась городская санэпидстанция. Потом контора переехала ближе к центру, и здание поставили в план по сносу, но Хоза подмазал кого надо и после косметического ремонта открыл в нем офис (так и называл его по-модному — «офис») кооператива «Искра». Торговал кооператив всяким барахлом: вареной джинсой и пуховиками китайского производства, но на самом деле эта торговля служила лишь прикрытием теневой деятельности авторитета по кличке Хоза, одного из самых матерых рецидивистов Ванавары. С Афганцем у Хозы были сложные отношения. Хоза, конечно, понимал, что город целиком подмять под себя вряд ли получится — всегда найдется ушлый пацанчик, который станет претендовать на свой кусок праздничного пирога, да и менты за уголовным авторитетом следили зорко, — но аппетиты росли не по дням, а по часам. И Хоза уже не раз и не два вторгся на территорию, которую Афганец по праву первооткрывателя считал своей. Афганец отвечал взаимностью, подбирая всё, что плохо лежит. Раньше или позже это должно было закончиться войной за передел сфер влияния, однако уникальная способность Афганца договариваться даже с врагами позволяла криминальному миру Ванавары балансировать в состоянии не слишком устойчивого, но всё же равновесия.

Афганец остановил машину у центрального входа, над которым висел деревянный щит, украшенный грубой самодельной надписью большими красными буквами: «ИСКРА». Бандиты вылезли, а Афганец подошел ко мне и, наклонившись к окну, шепнул:

— Мы пойдем побеседуем, а ты здесь жди. Когда надо, позову.

О чем и как беседовали Хоза и Афганец битых полчаса, сказать не могу. И боюсь даже предположить. Но ровно через полчаса один из бандитов Афганца появился во дворе и позвал меня по имени. Я успел понервничать, а потому с тяжелым сердцем вылез их машины и вошел в здание.

Хоза совмещал «офис» со складом. Очевидно, для экономии. Длинные коридоры санэпидстанции были заставлены коробками с товаром, по углам громоздились кипы пуховиков. Всё это богатство охраняли совершенно угрюмые личности, с такими лучше не встречаться на узкой дорожке, — но дисциплину они блюли и с лишними вопросами не приставали.

Наконец добрались до кабинета Хозы. Кабинет мало чем отличался от коридоров: те же коробки и кипы. Посреди завалов обнаружилось небольшое свободное пространство, в котором подручные Хозы разместили школьный письменный стол и пару колченогих стульев. Один стул занимал сам криминальный авторитет, на втором, закинув ногу на ногу, сидел Афганец. Всем остальным (а собралось человек десять) приходилось стоять.

Афганец улыбался во весь рот, и я счел это хорошим признаком. Хоза смотрел на меня зло, но это не имело значения — демонстративная злоба была частью его имиджа. А вообще главный криминальный авторитет города выглядел посредственно — маленький, плешивый, в тесном черном замызганном пиджаке.

— Так, академик, чего ты там плел насчет антрацита? — спросил Хоза, даже не удосужившись поздороваться.

Однако я сначала поздоровался, а потом ответил:

— Это не антрацит. Этот товар только похож на антрацит.

— Чего-то я не пойму, академик. Похож на антрацит? Это как?

— Параметры другие. Я сам проверял. Зуб даю, это новый товар.

Может быть, насчет «зуба» я загнул лишку — не люблю эту публику и их блатную лексику, вечно что-нибудь не то брякнешь. Впрочем, на мои слова никто не обратил внимания. Похоже, всё было обговорено еще до моего прихода.

— Слюшай, академик, — сказал Хоза, и по прорезавшемуся акценту я понял, что он тоже нервничает, — если это новый товар, то другие деньги?

— Совершенно верно, — ответил я. — Другие деньги. Я даже не могу сказать, сколько он будет стоить. Первая партия точно уйдет по максимуму. Можно хоть аукцион объявлять. Тут вопрос такой: сколько мы готовы выставить на продажу? Всю партию? Или ее часть, чтобы удержать цену?..

Похоже, мои шалости на чужой территории показались Хозе не столь существенными с учетом сообщения о «новом товаре» — он даже не одернул меня по поводу «мы». Казалось, можно вздохнуть с облегчением. И тут Хоза меня ошарашил.

— Мы тут с Николаем потолковали, — авторитет кивнул на улыбающегося Афганца. — Нам нужна жила. И ты ее нам найдешь.

Новость убила. Даже отступил на полшага, но за спиной стоял один из бандитов.

— Все вопросы к Бориске, — быстро сказал я. — Он принес товар. Он его добыл. Его и спрашивайте, где и откуда.

— Николай, растолкуй фраеру что почем, — распорядился Хоза, откидываясь на стуле и продолжая буравить меня злым взглядом.

Афганец, всё так же мило улыбаясь, повернулся ко мне и за пару минут обрисовал ситуацию. Из его рассказа следовало, что попал я по-крупному, как еще никогда не попадал. Лучше бы я признал, что сверхчистого черного тела не бывает, а образец, который принес мне Бориска Дрын, — типичный антрацит. Нельзя сидеть на двух стульях — задница треснет.

Выяснилось следующее. Дрын ничего не добыл. Сидел без денег, в долг ему уже никто не давал, и собирался он в Кратер за ватой. Но тут прослышал, что на Заимку вернулись искатели — группа Димона.

Дмитрия Артюхина, более известного под погонялом Димон, я знал очень хорошо. Он был родом из Ванавары и старше меня на три года. При этом мы с ним когда-то учились на одном потоке в Красноярском университете и находились в дружеских отношениях. Вполне, кстати, объяснимое явление. Какое у них тут среднее образование — в Ванаваре? Название одно. Димон пытался поступить в универ, но не набрал проходного балла. Загребел в армию, отслужил в ВДВ, принимал участие в какой-то войсковой операции, за что получил орден. Вернулся и снова попер в ученые. Со второго раза у него получилось — приемная комиссия учла героические заслуги абитуриента и зачислила его вне конкурса. Однако физика аномальных структур — это вам не арифметика и даже не марксизм с ленинизмом, эта штука посложнее будет. Не сумел Димон одолеть великую нашу премудрость — вылетел с третьего курса за неуспеваемость. Но не отчаялся. Вернулся в Ванавару, устроился в топографическую службу Института, стал искателем — настоящим профессионалом, не чета всяким Борискам. Ходил в Кратер бесчисленно. Добирался, говорят, до самого эпицентра, где только Флоренский побывал. А потом Димон вдруг уволился и стал на себя стараться. Его, конечно, участковый предупредил, но толку? Времена уже были не те: хочешь работай, хочешь живи сам по себе. Димон выбрал второе. Ходил в Кратер всегда в компании, и всегда — номером первым. Другие искатели его уважали и жизнь свою легко доверяли. Не все из них, правда, вернулись назад. Карты у Артюхина были хорошие, им лично составленные, лучшие карты, и чутье искательское имелось, однако кое-каких знаний не хватало, а расплачивались за это кореша. И вот четыре месяца назад ушел Димон за Вал с двумя старыми партнерами и — пропал. Думали уже, что закатилась счастливая звезда нашего топографа, — угодил в клеть или в юлу и накрылся медным тазом вместе с командой. А вот поди ж ты, вернулся! И второго с третьим номера привел. Где ж они пропадали столько времени?

Так или иначе, но мужики вернулись с товаром, продали пару фрагментов антрацита скупщику Хозы, и там же, на Заимке, взяли водки у какой-то клуши. Идиоты, что еще ска-

зять? Нет сейчас приличной водки в Ванаваре — даже по талонам нет. И им тоже не водку продали, а разбавленный технический спирт. В который, похоже, был подмешан спирт метиловый. Эта чудовищная смесь скосила всех троих разом, и Дрын, который очень рассчитывал упасть им на хвост, застал только бездыханные тела. Но сообразил, что к чему, и товар пригреб. Заодно и карту у Димона вытащил — с дальним прицелом, очевидно.

— Что за карта? — спросил я.

Известие о смерти Димона и еще двух искателей меня почти не задела — и не такое в Ванаваре случалось и каждый день случается. Пусть земля будет пухом и прочее...

— А вот взгляни, академик, — предложил Хоза и расстелил на столе карту.

Я подошел. Одного взгляда мне хватило, чтобы оценить приобретение Хозы. Это была превосходная подробнейшая карта местности, охватывающая юго-восточную часть Кратера. Такие делала для Генштаба наша топографическая служба. На карте имелись пометки рукой Димона — я сразу опознал его почерк. Остальное тоже не вызывало вопросов. Покойный точно обозначил маршрут своей группы: от Вала до места и от места до Вала.

— Это невозможно, — сказал я.

— Что? — спросил Хоза.

— Что там? — спросил Афганец.

— Димон не мог здесь пройти, — объяснил я. — Это Южное озеро. И здесь Скучная Деревня. Гиблое место. Может, самое гиблое в Кратере. Туда даже вояки не суются.

— Но он прошел? — вкрадчиво осведомился Афганец, который встал и придвинулся сбоку. — И ты пройдешь.

— Нет, — сказал я. — Давно не стараюсь. Я там угроблюсь. Зачем вам это?

— Ты подумай, — сказал Афганец, и вкрадчивости в его голосе прибавилось. — Они же только что там прошли. Вчера вернулись. Значит, следы остались. Трава примятая, кострища, мусор. По натопанному пройти легче.

— Я тебе следопыта дам, — пообещал со своей стороны Хоза. — Настоящего таежника.

— Вот-вот, — подхватил Афганец. — Да и ты, академик, искатель опытный. Я же знаю. Пять походов в Кратер. И ни одного трупа. Может, ты секрет какой знаешь?

Ага, так я и раскрыл тебе свои секреты.

— Не знаю, — сказал я. — Поход подготовки требует. Снаряжение, инструктаж участников, легенда.

— А может, по-быстрому? — настаивал Афганец.

Я хотел ему ответить, что по-быстрому только кошки родятся, но понял: ситуация к шуткам совсем не располагает. Похоже, эти уголовники всерьез собираются отправить меня в Скучную Деревню. Что называется, не было печали.

— По-быстрому мы гробанемся. Все. Следопыт не поможет.

Наступило молчание.

— Что ж, — сказал Хоза, — не хочешь идти, значит? Тогда придется ответить.

— За что?

— За антрацит, который ты у Бориски взял. Не хочешь сказать, академик, где он?

Я оглянулся на Афганца, но тот не собирался за меня заступаться. Наоборот, стоял с самым независимым видом. И даже руки в карманы засунул. За что, спрашивается, я плачу ему пятнадцать процентов выручки, делаю бесплатную экспертизу и сбываю самые редкие артефакты через его посредников?

На прямой вопрос Хозы надо было что-то отвечать. Но отвечать мне было нечего. Не скажешь же, что отдал фрагмент комсомольскому работнику Шахмагонову. На перо поставят мигом. Какой же я всё-таки дурак!

Главное в подобной ситуации — задавить собственный страх. Чтобы эти скоты не увидели, что я чего-то боюсь или чего-то скрываю.

— Хорошо, иду в Кратер, — произнес я медленно и, надеюсь, достаточно весомо. — Но за положительный результат не ручаюсь. Может, вернемся с новым товаром. Может, вообще не вернемся...

— Отлично, — сказал Афганец. — Собираемся прямо сейчас.

— Кто еще пойдет?

— От моих — Вован и Брынза. Кто от твоих, Хоза?

— Дерсу и Кривой пойдут. Хватит?

Я поразмыслил. Вован и Брынза были довольно тупыми бандитами, но других Афганец и предъявить не мог. Дерсу — таежник, следопыт с хорошей репутацией, не зря его так прозвали. Кривой — опытный искатель, охотник за «черным золотом», но без амбиций, тут Хоза правильно выбрал. Расчет стал мне ясен: Афганец и Хоза очень не хотят выпускать информацию о новой жиле за пределы узкого круга лиц — понимают, что если искатели прослышат, то начнется форменная лихорадка. В Кратер ломанут даже те, кто на Вал подниматься по жизни боится. Многие угробятся по дороге, но процент какой-то по трупам доберется и свое урвет. Через полгода рынок окажется завален сверхчистым антрацитом, и цена на него снизится до обычного уровня — то есть до сравнительно высокого, но ведь могла быть и выше, много выше! Очевидно, в мое отсутствие Афганец с Хозой прикинули, какой навар можно получить с дефицитного товара, и договорились хоть временно стать монополистами. На самом деле в этой ситуации мне было совершенно без разницы, с кем идти в Кратер. Тут Афганец прав: если тропа Димона еще не заросла, то можно пройти и с дилетантами, а если заросла, то наличие в группе профессионала положение не изменит — всё равно кому-то придется пойти третьим или четвертым номером, прокладывая дорогу остальным.

И тут я допустил ошибку. Может, самую большую ошибку в своей жизни. Мне нужно было под любым предлогом заехать домой и хотя бы в первом приближении обсчитать район Скучной Деревни на предмет нестационарных аномалий с постоянной траекторией. Но я понадеялся на «авось». Махнул рукой. Решил, что перетопчемся. К тому же не далее как вчера я выдал Наташке запасной ключ, она могла уже вернуться с работы, а втягивать ее в разборки и объясняться потом не было ни малейшего желания.

— Понадобится машина, — сказал я.

— Бери любую, — предложил Хоза.

— Тогда ваш грузовик...

Вот так и договорились, так и поехали — без долгих сборов и споров.

Легенду выбрали самую незатейливую: побросали в кузов удочки, свернутую сеть, палатки и котелки — типа рыбаки на рыбалку.

С этим у нас и просто, и сложно. Вроде бы, в тайге живем, а значит, любой — охотник и рыбак. Но в Комитете тоже не дураки сидят: промыслять дичью или рыбой в непосредственной близости от Кратера допускается только по лицензии, но выдают ее неохотно, исключительно своим людям — по утвержденным в Москве спискам. Лицензии есть у всех вольных искателей, и у всех они липовые. Рылом никто из нас не вышел, чтобы в Москве одобрение получить. Вот и крутимся кто как. Если на ментов напорешься, это еще ничего — откупиться можно. С погранцами по-разному. Солдатам-срочникам всегда втюхать можно, что лицензия у тебя не липовая, а самая что ни на есть настоящая. С офицерами — труднее, они злые, как черти, сразу тащат в комендатуру, без разговоров. Но самое гиблое дело в наших краях нарваться на армейский патруль. Эти всего бояться, с «брони» не слезают, в проблемы не вникают, в положение не входят, а палят из всех стволов во всё, что движется.

Грузовик с народом неизбежно привлечет внимание. Не у ментов, так у вояк. Поэтому Афганец, больше всех заинтересованный в том, чтобы поход в Кратер состоялся без сучка без задоринки, отправился вместе с нами — на всякий пожарный случай.

Выехали засветло. Из специального снаряжения я потребовал себе полный спецкостюм искателя, армейский бинокль, намагниченную рамку, сотню гаек и антрацитовый компас. Необходимое обнаружилось на складе у Хозы, что меня совсем не удивило. В грузовике расположились так: Брынза сел за руль, я — в кабину рядом с ним, Вован, Дерсу и Кривой залезли в кузов. Афганец на «японце» поехал впереди, чем нас совершенно демаскировал, — но я не стал возражать, потому что уже отчаялся сделать всё по правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.